

моск. правда, -2001.-24 апр  
с.1,2

# Юлий КИМ: ЗАТО ЗА СЛОВО НЕ КАЗНЯТ...

В последнее время Юлий КИМ живет на два дома — в Москве и в Иерусалиме. Почти год он вообще не выступал в России, поэтому его читатели и почитатели, естественно, соскучились по живому общению с любимым бардом. И неудивительно, что в самом начале этого года Ким без устали ездил с концертами по всей стране. В один из редких перерывов между выступлениями мне удалось застать его в московской квартире. К счастью — ведь теперь опять настает большой перерыв. Вскоре после нашего разговора Ким вернулся в Израиль, потом ему предстоит зарубежные гастроли. В Москве публика его увидит лишь ближе к лету.

— Юлий Черсанович, вы живете в Иерусалиме. Как вам священный город?

— Я снимаю там небольшую квартиру. Это удивительный город, в нем есть что-то особенное. Я чувствую это, но пока боюсь сформулировать. Правда, большую часть впечатлений я получил лет 10 назад, когда бывал там туристом. Как живешь в Москве и годами не видишь Третьяковки, так и я зачастую не вижу Иерусалима. Занимаюсь какими-то делами, а походить по городу и рассмотреть его пока не удается. Даже стихи по этому поводу написал: «Воображение поэтов: /Глотай историю живьем. /Но только до всего до этого /Нам дела нет — мы здесь живем».

— Человек с корейскими корнями, русский по духу и живущий в Израиле — интересное сочетание.

— На самом деле, я абсолютно русский. Я был совсем мальчиком,

когда расстреляли отца, так что рос в кругу родственников мамы — Всесвятских и Успенских. Впрочем, от корейской крови не отрецивляюсь. Раньше даже иногда принимал участие в жизни московской корейской общины. Но я воспитан в традициях русской культуры, так что и к израильской литературе отношение имею лишь с ее русскоязычной стороны.

— А вы прониклись проблемами Израиля?

— Конечно, я более или менее в курсе дел, читаю местную прессу на русском языке. Ведь эта страна стала для меня очень близкой. К счастью, арабо-израильский конфликт в мирной жизни не очень ощущается. За «зеленой линией», как там называют границы, в пределах которых идет война, все относительно спокойно. Но все-таки российские проблемы волнуют меня больше.



— Давайте к ним и вернемся. Как вы ощущаете себя в нашей бурной жизни? Лучше, чем в 60-е годы?

— Все-таки да. У меня даже есть стихотворение, которое косвенно выражает мое отношение к нынешним реалиям. Оно построено в форме диалога:

— Ну чем, чем, чем ты так доволен,  
Чему ты рад, как идиот?

Учти, ведь ты и сам виновен,

Что мы глотаем это вот.

Нам катастрофы угрожают,

Кругом бардак, крошечный ад.

— Зато за книжки не сажают,

Зато за слово не казнят...

— Вас, к счастью, не сажали и не казнили — только фамилию заставили сменить. Но ведь все и так понимали, что песни Юлия Михайлова пишет Юлий Ким. Зачем нужен был этот маскарад?

— А власти это не смущало. Им было важно, чтобы официально имя Кима нигде не звучало, ибо тогда это было синонимом слова «антисоветчик». Ведь тогда я подписывался под всякими крамольными документами. И если бы не «переименовался», то жить было бы не на что: ни один театр с Кимом договор не подписал бы, а с Михайловым — сколько угодно. Кстати, в бухгалтерии моя настоящая фамилия стояла в скобках. Правда, Свердловский райком Москвы выступал и против «Михайлова». Там даже потребовали от Марка Захарова выкинуть это имя из афиши к «Тилу» в Ленкоме. Спасибо Булату Окуджаве: в 1985 году он освободил меня от псевдонима, написав статью «Запоздалый комплимент». После этого, вздохнув свободно, я вернулся к своей «девичьей» фамилии.

Окончание на стр. 2.

## ЗАТО ЗА СЛОВО НЕ КАЗНЯТ...

Окончание. Начало на стр. 1.

— Говорят, что всеобщий ажиотаж вокруг принятия нового старого гимна и вас не обошел стороной. Как вы относитесь к песне на музыку Александра?

— Отрицательно. Я даже написал один куплет — сатирический. Еще хотел написать статью на сей счет, но потом понял, что все мои воинственные мысли уже озвучены другими. Помните, в «Золотом теленке» был поэт, который на все случаи жизни писал про Гаврилу? У нас получилось то же самое: на одну музыку написан, если не ошибаюсь, четвертый вариант. Мы пошли по совершенно новому пути, но почему-то взяли с собой в дорогу старый гимн. Говорят, он нужен для того, чтобы не раскалывать общество. Но все мы несколько лет вставали под звуки «Патриотической песни», и никакого разделения, по-моему, не чувствовалось.

Мне кажется, произведение Глинки можно было бы оставить в качестве гимна. Тем более, что и Пушкин эту музыку очень любил.

— «Надо учиться дышать большими-большими глотками» — это ваши стихи 1955 года. Как вы научились так дышать?

— Вообще-то в данном случае я изображал состояние молодой души, только-только вылетевшей навстречу жизни. Более глубокого смысла в этих строках нет. Но мне приятно, что вы его нашли: значит, стихи заставляют человека задуматься.

— Несколько ваших шедевров недавно были включены в бардовский проект «Песни нашего века». Вы чувствуете себя человеком XX, уже ушедшего столетия?

— Конечно, все мы принадлежим XX веку. Другое дело, ощущаю ли я себя гражданином ХХ1-го? В

какой-то степени, да, ведь традиции перетекают из века в век, от поколения к поколению. В этом смысле я могу чувствовать себя частью некоторых течений, которые не умрут и в будущем. В частности, это великое племя бардов, которое, на мой взгляд, бессмертно.

— В числе «Песен нашего века» оказался и ваш «Отважный капитан». Это вы про себя написали?

— Ни в коем случае. Текст этой песни сам по себе говорит о том, что она вся возникла из любви к экзотическим названиям — Амазонка, Сантьяго... Я даже «новую марку» вина придумал — «Эль-Мадейра». На самом деле такого не существует, но нужна была рифма.

— Не хотите восполнить пробел и все-таки наладить выпуск «Эль-Мадейры»? Сколько денег могли бы заработать...

— Сейчас это стало модой: как только человек обретает известность, так сразу начинает выпускать либо «Брынцаловку», либо

«Жириновку». Кстати, «Кимовка» тоже была — она украшала столы на мое 60-летие. Но это друзья просто обдирали «Столичную» и наклеивали новые ярлыки.

— Сейчас вы живете в Иерусалиме, где переплетаются корни нескольких религий. Оказала ли какая-нибудь из них влияние на ваше мировоззрение?

— Обычно я вспоминаю в таких случаях Егора Гайдара. Однажды он приехал к шахтерам, долго о чем-то рассказывал им на своем ученом языке. Затем один из слушателей не очень вежливо прервал его: «Ты в Бога веруешь?». Гайдар подумал и сказал: «Вообще-то агностик». Я не уверен, что тот шахтер понял ход мыслей Егора Тимуровича. Поясню: агностиками называют людей, которые не знают ответа на этот вопрос. Поэтому я не могу сказать, что принадлежу к какой-то конфессии. Но все-таки надеюсь, что послужил Богу. У меня даже есть несколько стихотворений-молитв.

Дмитрий ЗЛОДОРОВ